

Андрей Толоков

Две осенние встречи

16+

Андрей Анатольевич Толоков

Две осенние встречи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758447

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06625-0

Аннотация

Эта история о сложной и порой даже трагической судьбе главной героини, Ольги Орловой. Начинается она в 82-м году прошлого века и продолжается до наших дней. В этой книге переплетаются извечные проблемы в отношениях отцов и детей, мужчин и женщин. Свою любовь Ольга пронесла через всю жизнь, несмотря на то, что все было против.

Содержание

1	4
2	5
3	8
4	13
5	17
6	24
7	29
8	33
9	35
10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

1

Ольга отрешённо сидела в зале суда на той самой скамье, на которой даже не думала оказаться ещё вчера. Потухшими глазами она смотрела на сестру Серафиму, сына Кирилла, адвоката и его помощницу. Вот-вот зайдет судья и зачитает приговор. «Да всё равно, что они там решат. Я сделала то, что должна была сделать», – подумала Ольга и подняла свой взгляд на пока ещё пустующее кресло судьи.

– Встать! Суд идет! – громко объявила секретарь заседания.

В тишине зала зашуршала судейская мантия. Судья холодным взглядом оглядела присутствующих в зале и начала:

– Провозглашается приговор...

Ольга стояла у окна. На улице шёл дождь. Холодные капли стекали по стеклу. Она смахнула слёзы и принялась готовить отцу ужин.

– Ольга! – послышался из спальни хриплый, но властный голос Александра Павловича.

– Чего тебе? – громко спросила Ольга.

– Подойди, – сухо и жёстко сказал отец.

«Опять командует! – подумала Ольга, – сил уже даже ложку поднять нет, а всё начальник. Деревянный мундир по тебе плачет». Эта ненависть к отцу, казалось, родилась вместе с ней. Так ненавидеть можно только человека, лишившего тебя кого-то из близких.

Ольга зашла в комнату к отцу. Здесь стоял резкий запах лекарств, перемешанный с запахом старости. Отец полулёжа сидел на кровати и щёлкал программы телевизора.

– Принеси мне травяного чая. Только, – Александр Павлович сделал небольшую паузу и поднял холодные глаза на Ольгу, – не очень горячий. Затем небрежно махнул рукой, будто выгоняя её, – Иди уже! Шевелись ты быстрее.

Ольга, молча, вышла на кухню, опустилась на стул, и глухой стон вырвался из её груди.

– Господи! – она встала на колени перед маленькой иконкой, висевшей в углу кухни – Господи! Прости меня. Я не

могу больше его терпеть. Но почему, почему ты всё никак не заберешь его? Он должен попасть в ад. Только там ему место.

Насылая на отца гневные проклятья, она открыла свою сумочку и достала из глубины маленький пузырёк, завернутый в мятую газету. Это был отвар из вороньего глаза. Она сделала его из тех ягод, которые собрала, когда ездила с сестрой за грибами. Сама того не понимая, она собирала ягодка за ягодкой, тщательно пряча их на дно лукошка. Что с этим делать поняла уже дома. Ольга вспомнила, как бабушка рассказывала, что отваром из этой ягоды её мама свела в могилу ненавистного участкового, который изнасиловал её в молодости и потом всю жизнь издевался. Все в деревне тогда подумали, что помер он от водки – уж больно любил.

Рецепт отвара бабушка дала внучке ещё несколько лет назад. Тогда Ольга не придавала этому значения, но отказываться не стала. Теперь этот день пришёл.

– За всё, – шептала Ольга, – за мою исковерканную жизнь, за смерть бабушки Софии, за твоё скотское отношение к людям. И пусть я попаду вместе с тобой в ад, но ты будешь гореть, а я буду это видеть.

Она подогрела травяной чай и влила туда ядовитый отвар.

– Ну, скоро ты там, ворона? – раздраженно крикнул из комнаты Александр Павлович. – Зачем Вальку отпустила? Она бы всё уже сделала.

– Иду, – полушёпотом ответила Ольга.

Руки дрожали. Сделав глубокий выдох, она вошла в комнату отца и поставила чай на столик у кровати.

– Вот твой чай, – она хотела сказать «папа», но язык не повернулся.

Ольга медленно вернулась на кухню и подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу и пустым взглядом стала рассматривать во дворе островки последнего снега, поедаемого дождем.

Александр ввалился в избу, громко топая грязными пощиколотку сапогами.

– Валька! Валька! – заорал он, опускаясь на табурет. – Ты что, сука, мужа не встречаешь, поганая твоя душа!

Сию же минуту Валентина выбежала из комнаты:

– Сашенька, ну что ты опять ругаешься. Оленьку купала, – стаскивая грязные сапоги с мужа, виновата шептала Валентина.

– Оленьку! Нагулянную твою! – шипел Александр.

– Да что же ты, Сашенька. Она дочка твоя, родная. Кроvinушка твоя.

Александр схватил своими толстыми сальными пальцами Валентину за растрёпанные волосы и, смотря в упор своим колючим взглядом, пьяным голосом сказал:

– Моя кроvinушка, говоришь? Серафима моя кроvinушка. Её прямо с меня художник писал. А откуда эта белокурая в нашей семье, я не знаю, – переходя на крик, он потащил Валентину в комнату, где в маленьком металлическом корыте стояла, дрожа, крошечная девчушка. Мокрые кудряшки подрагивали в унисон тельцу то ли от холода, то ли от страха перед пьяным мужиком.

– Она не нашего рода – произнёс Александр, ткнув в грудь девочке, – нагуляла сука!

Валентина упала на колени и громко зарыдала. Вся деревня знала о том, что Александр – гулёна ещё тот. Почти все незамужние, да и некоторые замужние, бабы побывали на его скрипучем топчане в конторе. А уж кто не дружил с ним, так житья тому в деревне не было. Директор заготконторы имел большую власть – любого мог в бараний рог скрутить. Так что все старались не ссориться с Александром.

Валентина была скромная и безропотная, безумно влюблённая в своего мужа, женщина. Ей голову поднять было некогда, не то что ребёнка на стороне нагулять. Он ведь её в жены взял из дядькиного дома, почти сироту, без кола и двора, полуграмотную. Зато мордашкой была смазливая и характером мягкотела, а с его нравом именно такая и нужна.

Александр намеренно обвинял Валентину в том, что Оля не его дочь: «Бабу-то в узде держать надо, чтобы ненужных вопросов не задавала», и на счёт родства не сомневался, знал, что дочь его. Но порядок есть порядок. Пусть боится.

Из своей маленькой спальни вышла Софья Ивановна, мать Александра. Слегка наклонив голову на бок, посмотрела с укоризной на сына.

– Сашка! Зачем над супружницей издеваешься? Верна она тебе, сам знаешь.

– Не лезь, мать, не лезь! Я тут решаю, что говорить, а что делать. Сказал, сука она, значит, сука!

Александр снял пальто и бросил его Валентине.

– Почисти. Сейчас.

Валентина молча пошла в сени выполнять приказ мужа. Софья Ивановна взяла полотенце, обернула в него маленькую продрогшую Ольгу и унесла девочку в свою комнату.

Александр следил за всем своим пьяным взглядом, потом сбросил пиджак и сел за стол, широко расставив локти. В углу комнаты стояла напуганная восьмилетняя Серафима.

– Что уставилась? – спросил отец. – Давай носи что-нибудь пожрать. Что там мать приготовила?

Девочка неуверенными движениями стала накрывать на стол. Она видела, как это делает мама, но прежде не расставляла ни тарелки, ни приборы сама, поэтому всё выглядело нелепо.

– Вот ты такая же тёлка, как и твоя мать, – с недовольным видом пробурчал Александр. – Иди лучше её позови.

Сима выбежала в сени. Через секунду вошла Валентина, приглаживая растрёпанные волосы.

– Водки налей!

– Да тебе, поди, хватит, Сашенька.

Муж поднял холодные глаза.

– Сядь! – указал он на табурет, стоящий в углу. Валя покорно присела. – Я от тебя ухожу.

Валентина зажмурила глаза, будто желая представить, что это сон. И каким-то беззвучным слабым стоном выдавила из себя:

– Куда? К кому?

– Какая разница? Я уезжаю из этой дыры в Елисейск. Ре-

шено и точка. Спать сегодня лягу здесь, на скамье. Постели мне.

Валентина схватила с печки платок и со слезами выскочила на улицу.

Весь следующий день Валя просидела в избе. Воды она не носила, детей не кормила, мужу ужин не готовила. Только изучала пустым взглядом деревянные стены избы и решала как быть дальше, как поднимать девочек. У неё не было ни образования, ни специальности. Да и работать ей ещё не приходилось, всё умение сводилось к тому, чтобы быть замужем. С самого утра Александра не было дома и где он – никто не знал. Вернется ли сегодня или больше не придет в этот дом как ее муж и хозяин? Ей нужен был хозяин, по-другому она не умеет, не привыкла.

Валентина подняла голову и осмотрела дом. Софья Ивановна хлопотала у печи, готовила детям покушать. Сима сидела у окна и делала уроки. Маленькая Оля играла с куклой, сидя на кровати. Эта картина не доставляла Вале никакого удовольствия. Если Александр не вернется, то эта жизнь ей не интересна. Она встала и подошла к бабушке Софье:

– Софья Ивановна, – почти твердым голосом произнесла Валя, – Если Саша не вернется, если он уедет или уйдет к другой женщине, я поеду за ним.

– Как же так, а дети?

– Нет. Дети нет. Вот с чем он меня взял, с тем я за ним и поеду.

Софья Ивановна от удивления присела на лавку:

– Побойся Бога, дорогая! Это твои дети. Как они без тебя, без матери?

– А вы на что? – возмутилась Валентина. – Вы же их так любите!

Вдруг Валя перешла на шёпот. Взяла руку Софьи Ивановны, присела перед ней, и умоляющим голосом произнесла:

– Ну пожалуйста, Софья Ивановна. Я так люблю вашего сына. Я не смогу без него. Пожалуйста, не мешайте мне. Умоляю!

На третьем этаже здания городского комитета кипела комсомольская жизнь – во всю подготовка к 65-летию Великой Октябрьской Революции. На них возлагали серьёзные надежды партийные лидеры Елисейска. В кабинете секретаря горкома ВЛКСМ собирались активисты. Ольга Орлова, секретарь комсомольской организации местного «Смешторга», пришла одной из первых. И, как всегда, села рядом с секретарём горкома. Оля выгодно отличалась от других комсомольских лидеров своей энергией, работоспособностью и удивительным умением располагать к себе людей. За это её очень ценили, в особенности сам секретарь горкома, Георгий. Место на заседаниях Ольге определил лично – справа от себя. Честно говоря, она ему уже очень давно нравилась. Он бы поухаживал за ней, но прежде всего надо было думать о карьере, поэтому пока довольствовался её присутствием с собой рядом на заседаниях.

Дверь распахнулась, вошел Георгий, легко улыбнувшись всем присутствующим, он обернулся назад и обратился к кому-то в приемной:

– Проходите, товарищ старший лейтенант, не стесняйтесь. У нас люди добрые, не обижают.

В кабинет вошел офицер, молодой стройный брюнет. Слегка сросшиеся брови и карие глаза, предавали его внеш-

ности какой-то южный шарм.

– Здравствуйте! Разрешите представиться. Старший лейтенант Яковлев.

Кто-то из девушек выкрикнул с места:

– А если неофициально?

– Неофициально, Кирилл, – немного смущённо ответил офицер.

Ольга с любопытством разглядывала парня: «Хорош лейтенантик. В нашем городишке таких не водится, – подумала она, – жаль только, что колечко на правой руке. Женат красавчик». И тут она вспомнила выражение своей бабушки Софьи: «Хороших парней ещё щенками разбирают».

– Присаживайтесь, – Григорий указал гостю на стул в углу кабинета и бодрой походкой пошел на свое место, – я, прежде чем начать наше мероприятие, коротко расскажу, за чем приехал к нам старший лейтенант Яковлев. Кирилл является военным корреспондентом окружной газеты Московского военного округа. Здесь он по заданию редакции. Дальше, Кирилл, рассказывай сам.

Кирилл поднялся, поправил китель, оглядел присутствующих и начал:

– В вашем городе или где-то рядом живёт человек с очень интересной судьбой. Зовут его Евгений Барновский. В Афганистане он был снайпером в разведроты, где, рискуя своей жизнью, спас товарищей от гибели и чудом остался жив. Потом госпиталь и демобилизация. Сейчас мы не знаем, где

он находится. После долгих самостоятельных поисков я обратился к Георгию в надежде с вашей помощью найти этого парня.

Кирилл достал из портфеля стопку одинаковых фотографий – изображение Евгения и на обратной стороне все собранные данные.

– Если узнаете что-то ещё об этом человеке, сообщите мне. Я остановился в гостинице «Центральная», номер 202. Заранее всем спасибо.

Кирилл начал раздавать комсомольцам фотографии. Ольга смотрела на него очень пристально. Её взгляд буквально приклеился к молодому офицеру. Что-то завораживающее было в этом brunete. Кирилл подошел к Ольге и протянул ей фотографию. На какое-то мгновение их взгляды встретились. Удивительно, но ни он, ни она не могли оторваться друг от друга. Они будто разговаривали глазами на языке понятном только им двоим. Пусть диалог длился секунду, но Георгий успел обратить на это внимание. Он встал и твёрдым голосом сказал:

– Так, всё, Кирилл, нам надо возвращаться к работе. Мы обязательно поможем тебе найти этого человека. Спасибо. До встречи, – Георгий протянул руку и после рукопожатия проводил военного корреспондента до двери.

Ольга посмотрела на фотографию. Нет, она никогда не видела этого человека, но коллег в «Смешторге» спрашивает. Может быть кто-нибудь знает или видел этого героя-аф-

ганца. Лейтенанту надо помочь. Георгий уже начал совещание, а Ольга продолжала думать о том, почему она не могла оторвать взгляд от глаз Кирилла. У неё, в 21 год, конечно, были парни. И даже был бурный роман с одним из них. Но никогда ещё она не сталкивалась с таким странным чувством. Какое-то невероятное любопытство, внезапное желание встать и уйти вместе с этим человеком. Не важно куда, главное, вместе с ним. И пусть они не знакомы и виделись всего несколько минут. Оля пока не могла понять, что с ней происходит. В реальность её вернул внезапно прорвавшийся в её размышления вопрос Георгия.

– Оля, вы меня слышите?

– Да. Да, извините, я задумалась.

– Я говорю о том, что вам надо до мелочей продумать, как организовать праздничную торговлю в местах торжеств, – закончил речь Георгий, не особо скрывая своё раздражение невнимательностью Орловой, – завтра подготовьте свои предложения и мне на стол.

Семья Орлова Александра Павловича, второго секретаря Елисейского горкома партии, жила в небольшом, но приличном доме, недалеко от центра города. Старшая сестра Ольги, Серафима, несколько лет назад вышла замуж и жила с мужем. В одном доме с ними жила бабушка Софья, хотя у неё ещё был свой маленький домик на окраине города. Хотя возраст уже давал о себе знать, она всё так же бодро хлопотала по хозяйству.

У Ольги с бабушкой были очень тёплые, дружеские отношения, чего не было ни с отцом, ни с матерью. Софья была невероятно светлым и добрым человеком. Ольга часто приходила к ней, чтобы рассказать самые сокровенные тайны и поделиться тем, чем никогда ни с кем не делилась.

В тот вечер Оля пришла домой позже обычного, совещание в горкоме затянулось. Отец сидел в столовой, медленно перелистывая «Правду». Мамы дома не было, и Ольгу встретила бабушка.

– Иди, голубушка, помой руки и садись. Я тебя покормлю.
– Здоровая кобыла. Могла бы и сама себя накормить, – как мысли вслух произнес Александр Павлович.
– Саша! Зачем обижаешь дочку? Ребёнок пришёл с работы. Устала, наверное, – вступилась за Ольгу бабушка.

Ольга, молча, поставила на стол сумку. Бросила укориз-

ненный взгляд на отца и пошла, мыть руки. Софья Ивановна решила убрать сумку со стола, но одно неловкое движение и сумка упала на пол. Из неё посыпались всякие женские штучки и фото афганца, которого разыскивал Кирилл.

– Это что за фото? – нахмутив брови, спросил отец, – Жених, что ли? Ну-ка, мать, дай взглянуть.

Александр Павлович стал рассматривать фотографию.

– Это афганец, – объяснила Ольга, – его разыскивает корреспондент из Москвы. Он там какой-то подвиг совершил и пропал потом после демобилизации. Вроде как у нас осел.

– Так я его знаю, – складывая газету, сказал отец, – он в охотхозяйстве, у Романовича, главный егерь. Приезжает генеральный и только его ставят. Глаз алмаз. Ценный кадр.

– У Романовича, это в Березниках, что ли? – уточнила Ольга.

– Да, в Березниках. Так что скажи своему корреспонденту, пусть ноги в руки и поторопится. Романович всех в отпуск отправляет.

– Спасибо, папа, – Ольга спрятала фото в сумочку и села ужинать.

Вечером Оля не стала звонить в гостиницу, а утром, по дороге на работу, зашла. Алевтина Николаевна только что приняла дежурство и собиралась пить чай с печеньем.

– Здравствуйте, тётя Аля, – задорно поздоровалась Оля.

– Здравствуй, Оленька. Что так рано? Опять надо какого-нибудь ревизора пристроить?

– Да нет. У вас тут в 202-м живёт офицер. Кирилл Яковлев.

– Всё может быть. Я только сегодня утром заступила. Пока не знаю.

– Передайте ему, пожалуйста, что я нашла человека, которого он искал. Запишите мой телефон рабочий. Пусть позвонит. 2-23-09. – Оля положила на стойку конфетку, – приятного дежурства.

– Оленька, какая ты хорошая девчонка, – скрестив руки на груди, сказала Алевтина, – обязательно всё передам.

Уже через три часа Кирилл с Ольгой ехали на «уазике» из местной военной комендатуры в охотхозяйство Бориса Романовича. Для Кирилла очень важно было выполнить задание редакции, тем более, что разыскивал он Барновского долгие месяцы. Материал должен был получиться хороший.

Кирилл, поглощенный своими мыслями, ехал на переднем сиденье и не замечал, как Ольга, сидевшая за водителем, внимательно рассматривала его. Густые черные, аккуратно подстриженные волосы, по-мужски крепкая шея. Нос с небольшой горбинкой напоминал греческий профиль. Она смотрела на Кирилла и понимала, что этот офицер начинает ей нравиться. Никаких чувств у нее, конечно, нет, но если бы он пригласил её на свидание, Ольга бы не отказалась.

Как оказалось, съездили не зря и очень вовремя. На завтра у Евгения уже были планы уехать к сослуживцам в Крым на отдых. Кирилл уговорил его задержаться в Елисейске ещё

на пару дней, посвятить это время рассказам об афганских событиях. Евгений отказывался, но Ольга своей заволакивающей улыбкой и беспроегрышной фразой: «Ну пожа-а-а-луйста», убедила Барновского согласиться.

Обратно в город возвращались уже вместе с Евгением. Разговор не клеился. Барновский был молчалив и на вопросы корреспондента отвечал односложно. Ольга в разговор не вмешивалась, сидела молча и смотрела в окно на пасмурное октябрьское небо. Через час они уже въезжали в город, афганец попросил остановить машину и высадить его:

– Я тут у друзей переночую, – забирая свой баул, сказал Евгений, – а завтра, как договорились, в 9 буду ждать вас в горкоме. До свидания.

Дверь «уазика» захлопнулась. Кирилл обернулся к Ольге и пару секунд смотрел на неё лукавым взглядом, прищурив один глаз.

– Что? – вздернув плечи, спросила Оля, – Со мной что-то не так?

– Что вы, Оля, все так. Я ваш должник. И просто хочу вас отблагодарить, если это возможно, сегодня?

Ольга отвернулась к окну и заулыбалась.

– Я, – продолжал Кирилл, – приглашаю вас на ужин прямо сейчас. Соглашайтесь.

Она готова была в ту же секунду сказать «да», но необходимо было выдержать паузу и показать, что она в раздумьях. «Эти интеллигентские штучки: уместно, не уместно, – дума-

ла она. – Какого черта? Конечно, уместно». Она подождала ещё немного времени и, заметив в глазах офицера испуг, выпалила:

– Да, поехали, была не была.

В ресторане они весело болтали, рассказывали друг другу о себе и смешные истории из жизни. Заказали бутылочку «Токайского». Оба любили именно это вино. Им было комфортно и приятно проводить время вместе. Вокруг были разные люди, пробегали официанты, настраивали инструменты музыканты, но ни Кирилл, ни Оля этого не замечали. Для них вокруг было пусто. Только они вдвоем, напротив друг друга. Лишь когда музыканты заиграли безумно популярную тогда песню «Cosa sei», они очнулись. Кирилл протянул руку Ольге и, не говоря ни слова, они стали танцевать. Ольга очень хотела, поднять голову и посмотреть в глаза Кириллу, но боялась. Боялась спугнуть то чувство, которое начало радовать ее сердце. Этот офицер был из другого мира. Это не местные парни с семечками в карманах, не местные начальники, в глазах которых читалась подленькая похоть. Это был мужчина из другого, неизвестного Ольге мира. Мира, где есть галантность и внимательность к женщине. Мира приятных слов и запахов, трепетного прикосновения к женской руке. Ольга в этом мире ещё никогда не была.

Они провели вместе несколько часов. Кирилл пошёл провожать Олю домой. Они шли по тёмной улице. То тут, то там сверкала в лужах луна. Утром шёл дождь, а высыхало

в этой местности всё очень долго. Кирилл протянул девушке руку, чтобы помочь перепрыгнуть через очередную лужу. Оля крепко взяла офицера за руку и вдруг ощутила на его руке обручальное кольцо. Она остановилась и на секунду замерла.

– Что-то случилось? – с недоумением спросил Кирилл.

– Нет, все в порядке. Только, прошу тебя, не провожай меня дальше. Здесь рядом. Я дойду сама.

Кирилл хотел было что-то возразить, но, увидев холодный взгляд Ольги, все понял.

– До свидания, Оля.

– До свидания, – тихо произнесла девушка и быстрой походкой скрылась в темноте улицы.

Как всегда дома Ольгу ждала только бабушка София.

– Девочка моя, что же так поздно? – почти шёпотом спросила Софья Ивановна.

Ольга обняла старушку, прижалась к ней и на ушко шепнула:

– Бабуля, я была на свидании с очень хорошим парнем, – после этих слов Оля тяжело вздохнула.

– Но что-то в этом парне не так? – тоже шёпотом спросила бабушка.

– Да, бабушка. Женат он, – Ольга отвернулась к окну и замолчала.

– Почему же ты пошла с ним на свидание? Или не знала, что женат?

– Да знала я всё. Нравится он мне, – Ольга обняла себя руками за плечи и дрогнула. – Что-то холодно у нас.

– Отец не велит топить на ночь. Уголь экономит, жмот. Плохо же я все-таки его воспитала, – Софья Ивановна взяла большой цветастый платок и накинула его на плечи внучке, – совета ждешь от меня?

– Бабушка, а кто ещё мне подскажет? Что мне делать теперь? Как поступить с этим?

– Поступай, внучка, так, как велит тебе сердце. Лучше один раз в жизни напиться крови, чем всю жизнь питаться падалью, – бабушка присела на табуретку и, зарыв глаза руками, занервничала, – Господи, зачем я тебе это говорю. Грех встречаться с женатым мужчиной. Не слушай меня, старую дуру. Оленька, ты такая молодая и красивая девочка. У тебя ещё будет любовь. Счастливая и светлая, – она положила руку на плечо Ольге и с глубоким вдохом сказала, – всё не то я тебе советую. Сердце своё слушай. Оно подскажет.

С этими словами Софья Ивановна удалилась в свою комнату.

Ольга ещё долго не могла заснуть. Сердце выскакивало из груди и никак не хотело успокаиваться. Эти мучения продолжились до глубокой ночи. И уже далеко за полночь девушка всё же заснула.

После обеденного перерыва Орлова зашла в приёмную секретаря горкома комсомола. Она всегда строго выполняла те поручения, которые ей давали. Знала, что Григорий ждёт от неё предложения по организации праздничной торговли. Оля поздоровалась с секретаршей Тамарой Васильевной и стала ждать. Через несколько минут в приемную вошли Григорий, Кирилл и Барновский.

– О! Ольга! – слегка удивленно сказал Григорий. – Ты по какому делу?

– Здравствуйте! – Оля вежливо поздоровалась и строгим взглядом посмотрела на Георгия. – Вы, Георгий, пригласили меня с предложениями.

– Ах, извини, Оля! Я закрутился и совсем забыл, – не давая ей ответить, Георгий взял Ольгу под руку и провёл в свой кабинет. Следом вошли Кирилл и Евгений.

Кирилл хотел тепло приветствовать Ольгу, но, заметив, что она не обращает на него никакого внимания, решил отделаться официальным:

– Здравствуйте!

– Проходите, товарищи. Присаживайтесь, – пригласил гостей секретарь горкома, потом обернулся к Ольге и сказал, – Оля, ты, пожалуйста, подожди. Мы сейчас обсудим с ребятами ситуацию и потом займёмся твоими предложениями.

Хорошо?

Ольга махнула головой в знак согласия. Мужчины расположились на стульях в углу кабинета и стали что-то серьёзно обсуждать. Ольга со стороны смотрела на этих молодых людей. Ах, если бы она тогда знала, какую роль каждый из них сыграет в её жизни. Сколько радости, слёз и страданий принесут ей эти люди. Если бы тогда она об этом узнала, то наверняка бы выскочила из этого кабинета и бежала, бежала, бежала далеко за горизонт, пока этот кабинет, этот город и эти люди не исчезли бы из её жизни. Но тогда она этого знать не могла. Она сидела и смотрела на молодых, полных энергии и задора мужчин, один из которых ей очень нравился.

– Ну, вот на этом и порешим, – подвел итог беседы Георгий.

Молодые люди пожали друг другу руки и стали выходить из кабинета. На выходе Кирилл обернулся и знаком показал Ольге, что будет ждать её внизу. Она еле заметно кивнула головой.

Вечером они были уже в молодёжном баре «Комета». Это было маленькое помещение с современным, по тем временам, интерьером. Там собиралась, как сейчас бы сказали, «продвинутая местная молодёжь»: джинсы, свитера с ярким рисунком, «Мальборо», «Салем», коктейли. В общем, атрибуты, хоть немного напоминающие западную жизнь. Музыка тоже звучала европейская и американская. Лишь иногда пробивались Антонов, Пугачева и Машина Времени. По-

пасть сюда было практически невозможно, но Ольга, хорошо знала заведующую, поэтому для неё всегда был свободный столик. Они сидели вдвоем, пили коктейли и Кирилл рассказывал Ольге про свою семью, службу, работу военного корреспондента, о мечте поехать работать куда-нибудь в «горячую точку» и о том, как активно мешал этому его отец – человек заслуженный и известный.

– А я так не хочу, – продолжал Кирилл, – я хочу как все. Попробовать все своими руками. Хочу сам решать, что мне делать в этой жизни. Конечно, отца тоже можно понять. После того, как погиб мой старший брат, я у них с мамой остался один. И все-таки это моя жизнь.

Ольга не перебивала собеседника. Она внимательно слушала то, что он говорит, но ещё внимательнее она наблюдала за его мимикой. Её завораживали движения губ, ресниц, рук – всё было в нем гармонично. А смех был настолько заразительный, что удержаться и не посмеяться вместе с Кириллом, было невозможно. Именно в этот момент она поняла, что влюбилась.

Они просидели в баре до самого закрытия. Танцевали под Пупо и Дайану Росс. Они уже не боялись смотреть друг другу в глаза, рассказывая своими взглядами о зарождающихся чувствах. Они соединялись.

Кирилл проводил Ольгу до самого её дома.

– Завтра, я надеюсь, мы увидимся?

– Конечно, Кирюша, обязательно увидимся, – Ольга под-

нялась на цыпочки и поцеловала Кирилла в щеку, – до завтра.

Ольга зашла во двор, а Кирилл, постояв ещё немного, медленно пошёл в гостиницу.

Утром Ольга позвала на разговор свою подругу Надежду.
– Наденька, у тебя родители, когда приезжают? – начала Оля издалека.

– Ещё неделю будут в санатории. А что случилось? – с испугом спросила Надя.

– Всё нормально. У них в доме сейчас никто не живёт? – заговорщицки шептала Оля.

– Нет.

– Не пугайся. Я встретила такого парня, такого... Мне очень надо побыть с ним наедине. В гостинице нельзя. Понимаешь?

– Да ради Бога, – округлив удивлённые глаза, ответила Надя, – только там плохо натоплено, холодно. – Надежда засмеялась. – Сейчас ключи принесу.

Она заскочила в свою бухгалтерию и через минуту протянула Ольге ключи. Потом сжала руки в кулачки и тихо провизжала:

– Оля, я за тебя так рада. Не шалите там!

– Не бойся! Посуду бить не будем.

Оля еле дождалась вечера. И вот они встретились и пошли гулять по городу. Она намеренно повела Кирилла по той улице, на которой жили родители Надежды.

– Сюрприз хочешь? – вдруг остановившись, спросила Оля.

– Хочу, – немного протяжно ответил Кирилл.

Оля открыла калитку и, взяв за руку своего кавалера, повела его в дом. Внутри и правда было прохладно. Но печка была теплая и быстро нагрелась, видимо, Надежда с утра протапливала. Была какая-то неопиcуемая романтика в этой встрече. Деревянный дом, печка с дровами, на столе кружевные салфетки и кровать с металлической сеткой, как в старых фильмах. Но главное было то, что они были вдвоем. И никто не в силах был помешать их любви.

– И давно у вас это? – жёстким голосом спросил Сергей Сергеевич сына.

– Давно, папа. Уже полгода, – опустив голову, ответил Кирилл.

– И ты все эти полгода каждую неделю едешь в этот Елисейск?

– Ну не каждую, но часто. Как есть такая возможность.

Сергей Сергеевич стоял у окна, заложив руки за спину. Он смотрел на мокрую мостовую и свежую листву, дрожащую от весеннего дождя. Апрель 83-го не радовал хорошей погодой.

– Мало.

– Что? – не понял отца Кирилл.

– Я говорю, солнца мало. Скоро Первомай, а хорошего солнышка ещё не было, – пояснил Сергей Сергеевич. – Ты любишь её? Или это так, что-то новенькое?

– Папа! Если бы это было просто что-то новенькое, разве я пришёл бы к тебе? Разве стал бы я с тобой советоваться? – с легкой досадой спросил Кирилл.

– Так ты любишь её? – твёрдо отчеканив каждое слово, спросил Сергей Сергеевич.

Кирилл и сам спрашивал себя об этом много раз. Когда он видел Ольгу, был рядом с ней, то понимал, что жить без этой женщины не может, но когда возвращался домой, в се-

мью, осознавал, что его место здесь. Здесь комфортно, тепло, здесь его любят. Если бы он, молодой мужчина, мог бы ответить на эти вопросы сам, он бы не пришёл за советом к отцу. Он бы не доверился умудрённому опытом родителю, а решил бы всё сам, но самому не получалось.

– Понятно! – как бы услышав внутренние рассуждения сына, резюмировал Сергей Сергеевич. – Понятно. А что с Наташей? Что ты с Наташей будешь делать? Лучшей жены на свете ты не найдешь.

– Да. Наташа святая. Я не могу себя представить без неё, – как бы вслух рассказывая свои мысли, произнес Кирилл, – Папа, я не хочу никого обманывать, но я не могу понять, как это сделать. Где и как я совершил ошибку?

– Это не ошибка, сынок. Это жизнь. Мужчина может любить двух женщин. И обеих очень сильно, и обеих по-своему. Но не забывай, рано или поздно придётся сделать выбор. И не факт, что выбор этот будет единственно правильный, – Сергей Сергеевич сделал небольшую паузу, – ты знаешь, Кирилл, когда ко мне приходят родственники смертельно больного пациента, и просят: «Доктор, вы же такой гениальный хирург, сделайте все, что угодно, только спасите его». Что люди понимают под этим «что угодно». Кому угодно? Как угодно? Понимаешь, всегда выбор из очень неопределённых обстоятельств. Это не просто устоявшаяся фраза «что угодно», это люди хотят оставить все, как есть, но не знают, как это сделать, и всю ответственность за выбор они возлагают

на врача. И я, как врач, должен сделать за них этот выбор. Я не могу от этого отказаться. А если я выбрал не то, что спасет их родного человека? Тогда они смотрят на меня и с укором говорят: «Ну как же так, доктор? Мы же на вас надеялись». Я хороший хирург, но я не Бог. – Сергей Сергеевич подошел к сыну и взял его за плечи. – Сынок, этот выбор должен сделать только ты. Я, Кирилл, не всезнающий. Я могу ошибиться. Думай, сын, думай. Моё мнение такое – не надо рушить семью, но решение должен принимать только ты сам.

Яковлев старший похлопал Кирилла по плечу и неспешным шагом вышел из комнаты. Кирилл поспешил на Киевский вокзал. У него была двухдневная командировка на Украину. А этим же вечером из своей поездки вернулась Наташа, жена Кирилла. Первым делом она приехала к его родителям. Она знала, что муж уехал, но очень важной новостью хотела поделиться именно сегодня. Вера Николаевна, мама Кирилла, очень приветливая и добрая женщина, стала для Наташи хорошей подругой. Она приготовила ужин и накрыла стол. Сергей Сергеевич сидел, как всегда, во главе. Ели в тишине. Яковлев был задумчив и не склонен к разговорам. Наконец, когда трапеза подходила к концу, Наташа встала и скромно спросила:

– Можно я кое-что вам расскажу?

Сергей Сергеевич медленно поднял глаза на невестку. Ему сегодня уже кое-что рассказали. Что на этот раз? Обстановку разрядила Вера Николаевна:

– Рассказывай, Наташенька.

– Я... нет, не так, – Наташа глубоко вздохнула. – Вы скоро будете бабушкой и дедушкой, – она, сказав это, широко заулыбалась.

– Боже, какое счастье, – Вера Николаевна подошла и обняла Наташу.

– Это очень хорошая новость, Наташенька, – слегка про-светлев, произнес Яковлев. – Я тебя поздравляю – и, после небольшой паузы добавил, – вы будете счастливы с Кириллом. Долгие годы будете счастливы. Такое моё решение.

После этих слов он встал, ушёл к себе в кабинет и попросил ему не мешать. Весь вечер говорил с кем-то по телефону.

Лайнер, с именем одного из большевицких вождей, должен был отчалить ровно в полночь. Кирилл час назад прошёл паспортный контроль и сидел в каюте, рассматривая в окно ночную суету ленинградского порта. Ещё две недели назад он и предположить не мог, что его так внезапно отправят в эту длительную командировку, да ещё так далеко. Он очень давно этого добивался, но все будто были против него: и родители, и начальство, и Наташа. Теперь, когда Кирилл уже не очень этого хотел, всё получилось. Не мог он тогда знать, что именно отец подключил все свои связи и добился этой командировки для сына. Парень искренне думал, что это стечение обстоятельств.

Он сидел в каюте и мысли об Ольге его не покидали. Он должен как-то ей сообщить о том, что уезжает надолго, что остаётся с Наташей и что скоро у них родится ребёнок. Он должен всё объяснить. Нельзя пропасть просто так, это неправильно и жестоко. Последний раз они виделись в апреле, чуть больше месяца назад. Встреча была страстной и перед расставанием Ольга сказала, что переезжает из Елисейска в Москву, так как хочет быть поближе к любимому. Нет, она вовсе не хотела разбивать семью, просто хотела быть ближе. Именно после этого Кирилл всё рассказал отцу.

Он достал из дипломата большую тетрадь и начал писать

письмо Ольге. Как он будет его отправлять и откуда – не думал. Просто писал. Писал ещё любимой женщине. Этим письмом он перечёркивал часть своей жизни, убивал любовь и не только свою. Он исправлял, как ему казалось, ошибку. А, может, совершал новую.

– Какая же ты сука! – Александр Павлович не стеснялся в выражениях. Он продолжал пожирать Ольгу взглядом своим и шипеть. – Никакого ребёнка у тебя не будет. Вы это видали? – Александр Павлович повернулся к домочадцам, и развел руки, как конферансье перед объявлением очередного номера. – Видали? Отец всю свою жизнь вкалывал и прогибался, чтобы подняться. Дойти до нормальной должности, чтобы вырваться из того говна, в котором жили мои предки. Все! И она, в том числе, – он указал пальцем на бабушку Софью, – и вот когда мне, наконец, предложили возглавить горком, когда мне нужна безупречная репутация. Ваша Оленька мне заявляет: «Я буду рожать». Хрен тебе! Завтра же едем в область и делаем аборт. И только посмей ещё раз отсюда уехать. Вся милиция знает. Верну и морду всю изувечу. – Он схватил Ольгу за волосы, приподнял голову, и практически в упор ей повторил, – изувечу.

Оля сидела на жёстком табурете как на эшафоте. Ей уже было всё равно, что с ней будет делать этот мерзкий мужчина, который назывался её отцом. Она готова была ко всему. Отец продолжал что-то орать и брызгать слюной, но она уже ничего не слышала. Бабушка подняла Олю со стула и увела в свою комнату. Ольга уткнулась в плечо старушки и разрыдалась.

– Бабушка, миленькая моя, только ты меня понимаешь.

– Оленька, может он прав. Ты ведь Кирилла своего теперь не найдешь. Да и написал он тебе, что с женой останется. Как же теперь быть?

– Как быть? Как быть? – Оля бездумно повторяла бабушкин вопрос. – Бабушка, ну хотя бы ребёнок от него останется. Кроvinушка его. Ты же знаешь, как я его люблю. Бабуль, я сильная, я воспитаю, подниму. Я смогу. Пожалуйста, сделай что-нибудь.

– Да я, внученька, и пенсию свою тебе готова отдавать. Что мне там надо, краюшку хлеба да стакан молока. Это у меня и без денег есть. Да вот только я против отца твоего – букашка. Он меня слушать не станет, а бежать бесполезно. Так же как сегодня, поймают и привезут обратно. Давай я тебе отвару успокоительного принесу. Выпьешь и заснёшь. Завтра будет новый день, там и посмотрим.

Новый день ничего хорошего не принёс. Отец усадил Ольгу в служебную «Волгу» и они поехали в областной центр. Он спасал свою репутацию, но ломал Олину жизнь. Ломал об колено, по-мужички жестоко. Александр Павлович не боялся ни Бога, ни черта. Только над карьерой своей трясся, а жизнь Ольги и её ребёнка для него – не жизнь, а так, мусор.

День работника торговли всегда отмечали бурно, с размахом. Благо, была такая возможность. Ольга жила теперь вместе с Софьей Ивановной, в её маленьком доме на окраине Елисейска. Сам Александр Павлович, после того как стал первым партийным начальником в городе, получил большую служебную квартиру в центре. Там было место и для Оли, но она переезжать с родителями отказалась. Причины были более чем понятны. В тот летний день, 86-го года, она собиралась на торжественное празднование дня работника торговли в местный дом культуры. Ольга была одним из организаторов этого мероприятия. Всё было бы обыденно и просто, если бы не приезд одного из руководителей области. Поэтому мероприятие, так сказать, «раздули». Этим руководителем был не кто иной, как Георгий Руднев. Тот самый Георгий, который был секретарём Елисейского горкома комсомола. Теперь, после партийной школы и успехов в комсомольской работе, он стал одним из партийных лидеров области.

Оля уже была готова, но в её наряде не хватало какой-то детали. Она открыла шкафчик комода, чтобы подобрать украшение, но вдруг её взгляд остановился на почтовом конверте. Бумажный квадрат, усыпанный разноцветными печатками с непонятными буквами. Это было то самое, последнее письмо от Кирилла. Она хотела бросить его в печь вместе с

памятью о бывшем... Да нет, не бывшем, а о самом первом и по-настоящему любимом человеке. И вот, когда она уже готова была дрожащей рукой бросить эту память в огонь, в дом вошла бабушка. Вся в снегу, разругавшаяся от мороза, она сразу поняла, что собирается сделать Ольга, и спокойно сказала:

– Погоди, дочка. Ну, сожжешь ты сейчас весточку последнюю, а если в душе что всколыхнется, даже строчек на бумаге не останется. Не спеши, милая, так хоть память останется, коли ребёнка не сохранили.

Ольга закрыла заслонку печки и спрятала письмо в комод. Вот прошло уже три года. Жизнь менялась, и Ольга сама поменялась очень сильно. Она старалась не возвращаться к прошлому. Но сейчас рука сама потянула к конверту.

– Нет. Не сегодня, – вслух произнесла она, – давай, Оля, не сегодня.

Она будто почувствовала, что именно этот день серьёзно изменит ход её жизни. Она взяла из ящичка золотую цепочку с кулоном и закрыла его вместе с прошлым, до лучших времен.

Торжественное собрание и концерт прошли на ура. На обоих мероприятиях Ольга сидела в первом ряду рядом с Евгением Барновским. Он теперь работал в горкоме комсомола. Кстати, с легкой руки Георгия. По всем раскладам, Евгений должен был скоро стать «первым». Да и нашумевшая в своё время статья в «Красной звезде», молодого корреспон-

дента Кирилла Яковлева, сделала своё дело. Через несколько кресел, в этом же ряду, сидел Георгий Станиславович. Ольга запретила себе даже пробовать поворачивать голову в сторону областного начальника. Она прекрасно знала, как относится к ней Георгий, но решила не провоцировать ситуацию. А вот с Барновским Ольга с удовольствием заигрывала. Он был такой дисциплинированный простачок. И, как ей казалось, не ровно к ней дышал. Барновский всегда готов был сделать всё, что пожелает Оля. Да и с Олиным отцом вёл себя очень почтительно.

На банкете, после нескольких официальных тостов, когда под действием спиртного, налет официальности исчез, Оля заметила на себе пристальный взгляд. Она не стала оборачиваться, она точно знала, что это Георгий. Оля встала и пошла в фойе ресторана. Там она остановилась перед зеркалом. И вдруг перед ней выросла стройная фигура Руднева.

– Здравствуй, Оля! Ты с каждым днём становишься всё прекраснее и прекраснее, – говорил Георгий

– Вашими молитвами, Георгий Станиславович. Спасибо.

– Может, сядем где-нибудь, поговорим? Так, чтобы никто нам не мешал.

– А кто нам здесь мешает? – Ольга удивленно посмотрела на Георгия.

– Фойе. Люди кругом. Я хотел поговорить о личном...

– О личном? – перебила Ольга. – О каком личном идёт речь? Что, Георгий Станиславович, нас с вами связывает в

личном плане. Что? – Ольга развела руки и вздернула брови.

– Оля, ещё раз предлагаю. Пойдём в спокойное место и поговорим. Хотя бы в кабинет директора. Там нам не мешают, – Георгий жестом указал Ольге дорогу.

– Хорошо! – Оля быстрым шагом пошла к лестнице.

В кабинете директора дома культуры на столе стояла бутылка «Белого аиста», два бокала, нарезанный лимон и коробка шоколадных конфет. Оля, увидев всё это, удивленно обернулась к Георгию:

– Неожиданно! – с нескрываемой иронией произнесла она.

– Оля, не подумай ничего плохого. Это стандартная процедура. Приезжает начальство. Мало ли какие встречи, – достаточно неумело объяснял Руднев.

– Два, – Ольга подняла руку и показала два пальца, – два бокала. Готовился? – Руднев остановился у окна и молчал. – Вижу. Готовился, – продолжала Ольга.

Повисла неловкая пауза. «Ну зачем я так грубо? – подумала девушка. – Может быть он просто тоскует по общению со мной? Все-таки больше двух лет не виделись. А ведь я ему нравлюсь. Просто он так похож на моего отца этой слепой любовью к карьере. Вот пусть с этой карьерой и спит».

– Я тебя чем-то расстроила? – Оля намеренно перешла на «ты», чтобы окончательно завладеть ситуацией.

– Не удивляйся, пожалуйста, тому, что я сейчас тебе скажу, – Георгий жестом предложил собеседнице сесть. – Ты

прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь, – Оля хотела перебить Георгия, но он жестом остановил её. – Выслушай меня и не перебивай. Я...я всегда мечтал о том, чтобы ты была моей. Мне приходилось сдерживать свои эмоции, ты сама знаешь почему. На том этапе так было нужно. Теперь все по-другому. Теперь у меня есть возможности, Оля, большие возможности, – Георгий на секунду замолчал. – Ладно, это не имеет никакого значения. Оля, я просто хочу, чтобы ты была рядом со мной. Я не могу жить без того, чтобы не видеть тебя хотя бы иногда. Я без тебя жить не могу. У меня есть предложение. Я перевезу тебя в областной центр, найду тебе хорошую должность. У тебя будет квартира, у тебя будет всё, что захочешь. Соглашайся.

– Где-то я уже подобное слышала, – Ольга в этот момент вспомнила лукавый взгляд Кирилла, тогда в уазике, и его забавное «соглашайся». В этот момент в душе у Ольги всё перевернулось. Тогда кареглазый парень предлагал ей просто весёлый вечер. Не было в том предложении ничего унижительного и оскорбляющего. Но сейчас это было предложение стать содержанкой. – Мерзко, Георгий! Я сейчас могла бы у тебя попросить время подумать, но не буду. Ведь ты сейчас предлагаешь мне мерзость. Не потому, что ты хочешь, чтобы я стала твоей любовницей, это нормально. И было бы это нормально, если бы ты предложил мне это тогда, но не сейчас. Тогда бы у тебя были проблемы, но всё было бы честно. Ты любил и предлагал свою любовь. А сейчас ты зна-

ешь свою безнаказанность, и вот так, по-барски, предлагаешь мне стать твоей собственностью. Не я тебе нужна. Тебе, как всем вашим, нужен статус. Нужна красивая женщина под боком, чтобы всем своим показать, мол, я такой же, как вы. Я не подхожу для этой роли. Во всяком случае, сейчас.

— А что, честно, — Георгий открыл бутылку коньяка, налил себе сразу полбокала, отпил глоток, потом несколько секунд стоял и смотрел в окно. — Вот этим ты выгодно отличаешься от всех остальных девушек. Есть в тебе порода, Оля, — с этими словами он выпил всё содержимое бокала. Закусил маленькой долькой лимона и продолжил. — Скажи, а какая перспектива у тебя есть здесь, в Елисейске? У тебя есть достойные кандидатуры для замужества? Или этот твой журналист ждёт тебя где-то там далеко? — в этот момент Григорий увидел свирепый взгляд девушки и осекся. — Оленька, извини, я не хотел. Я говорю гадости, не слушай меня. Пойми, в этом городе у тебя ничего хорошего не будет. Нет здесь на тебя претендентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.